нам не известен. В конце единственного сохранившегося его списка есть помета: «Федора Ондреевича Карпо[ва]». В источниках упоминается голова в полках Ф. А. Карпов, но под 1552 годом.[1]

Разбор самого послания позволяет сделать несколько предположений об авторе. Автор, очевидно, холоп, бежавший за рубеж от своего господина. Он находился где-то в Прибалтике, судя по тому, что послание адресовано новгородскому епископу и в нем упоминается католический епископ, а в слоге обнаруживается много полонизмов. Автор просит Макария ходатайствовать перед его бывшим господином, чтоб тот простил его и дал ему отпускную: «токмо рцы слово... и молви, государь, с прилежанием моему государю слово, дабы мя пожаловал, в моей вине простил и отпускную мне дал».[2] Таким образом, автором послания об освобождении от холопьей зависимости не мог быть дворянин Ф. А. Карпов, ни сам Ф. И. Карпов (если бы было можно допустить описку «Ондреевич» вместо «Иванович»), т. е. отпадают оба предположения В. Ф. Ржиги.[3] Возможно, что помета относится к господину беглеца или под Ф. А. Карповым действительно скрывается беглый холоп. Но скорее всего эта помета вовсе не относится к данному посланию, а является заголовком следующего.[4] Так или иначе, но автор ничего общего не имеет с представителями известной дворянской фамилии.

Послание начинается с обращения к Макарию, попечительства которого ищет автор: «В жестоких и болезненых страстех, всюду обуряемый бедами к пристанищу спасеному уповая, святых и богоподвижных ти ног целованию умилне себя поручаю». Автор славит «многоочитый ум» Макария,[5] надеясь, что новгородский архиепископ «отженет от мене все уныние мое». Несмотря на то, что послание адресовано видному церковному иерарху, оно лишено церковного елея и рисует нам автора, свободно и ярко излагающего свои мысли в ажурной форме красивых и убедительных слов, за которыми скрываются глубокие переживания русского человека, волею судеб оказавшегося на чужбине.

Автор с болью в сердце описывает свое положение вдали от родной земли и отчего дома. «Матери моя, — пишет он, — и братий и роду в своем отечестве пребывающим, мне же на чюже земли устрашуся, яко злодею».[6] Он с грустью пишет «о разлучении нашем от сродник моих и боголюбивых сверстник моих, всего дружескаго их совета лишенна». Он не первый «бегун» за рубеж, — бежали многие холопы до него и могут бежать после.[7] Это вызвано, конечно, самим феодальным строем жизни на Руси; бегство являлось одной из форм протеста против все усиливающейся эксплоатации. Автор послания говорит, что он бежал не по собственной воле, а попал в затруднительное положение.[8] Налетевшею бурею обстоятельств он был, как тленный лист отторгнут от ясеня и носим по воздуху,

---

[1] ПСРЛ, VI, стр. 306.
[2] В. Ф. Ржига, ук. соч., стр. 236.
[3] Там же, стр. 232.
[4] На л. 44 помещено аналогичное заглавие «Макарию а[р]хиепископу».
[5] «Праведный твой ум и многочитый ум и твоя не усыпающая очеса, подобнии небесным звездам озарению и паче же солнца зрением добротам спасающе, всюду мрачные скорбем нашествие просвещаеши избавлением за безчисленыя ти святии добродетели» (В. Ф. Ржига, ук. соч., стр. 234).
[6] Там же, стр. 235.
[7] «Не аз бо первый бегци явихся в земле чуждей, но мнози и прежде мене и по мне такоже студне бежество сотворити имут» (там же).
[8] Он пишет, что своих родственников и соотечественников «не волею же, ни хотением своим, но тако нагло нашедшею скорбию полишихся» (там же).